

- **Владимир Владимирович, как Вы относитесь к Вашему знаменитому тезке, Владимиру Владимировичу Маяковскому?**

- Я люблю раннего Маяковского, его символизм, и могу сказать, безразлично отношусь к творчеству более позднего периода, во всяком случае, его... скажем, в области отношений между партией и вождем.
- **Сколько Вам лет?**
- Тридцать девять.
- **У Вас есть семья?**
- Да, у меня "есть семья и двое детей. Две девочки, шесть с половиной и пять с половиной лет.
- **Кто Вы по образованию?**
- По образованию я юрист, закончил Ленинградский государственный университет в 1975 году. Юридический факультет.
- **И у кого Вы учились? Из знаменитых людей.**
- Ну, самым знаменитым человеком на сегодняшний день является мэр нашего города - Анатолий Александрович Собчак. Это один из моих преподавателей. Менее знаменитым, но, скажем, не менее выдающимся преподавателем, я бы назвал... среди них я бы назвал, конечно, Иоффе. Это выдающийся цивилист бывшего Советского Союза, так скажем. Ну, немножко застал и прослушал несколько лекций у профессора Шайгородского. Это специалист в области уголовного права.
- **А кто Вы по специальности в юриспруденции?**
- Я написал диплом у профессора Оголенской на тему «Принцип наибольшего благоприятствования в торговле». И занимался у нее проблемами международного частного права.
- **Кто Вы по гороскопу?**
- По гороскопу, по-моему, Весы, хотя на 100 процентов утверждать не могу.
- **Смотрите, как интересно: такая должность и Весы. Подходит, по- моему.**
- С окончанием Университета мне было предложено пойти на работу в органы Государственной безопасности. Я это предложение принял. Я уже об этом представителям средств массовой информации говорил не однажды. Довольно быстро я попал на работу во внешнюю разведку. Закончил специальное учебное заведение, работал некоторое время за границей, потом вернулся. В силу различных причин (не политического характера) принял решение уволиться.

Пошел на работу в Университет, там некоторое время поработал, собирался заняться научной деятельностью.

Договорился с одним из моих бывших учителей, профессором Гусиным Валерием Абрамовичем. Он изъявил готовность со мной поработать. Ну, и я уже начал эту работу. В это время встретился еще раз с Анатолием Александровичем, который предложил мне перейти на работу к нему. Чему я и последовал.

Диссертацию не успели защитить?

Нет.

(Разговор на немецком языке)

- Скажите, вот работа в разведке, как я понимаю, положительно повлияла на возвращение Вас на эту высокую должность Председателя Комитета по внешнеэкономическим связям?

Я думаю, что это никак не повлияло. Мне представляется, что тот выбор, который был сделан мэром, ну, конечно, исходил из того, что у меня есть опыт работы в международной сфере, что я владею информацией и так далее, но он меня знал и с другой стороны - знал меня как юриста, который интересуется и владеет определенными знаниями как раз в той области, которая применима в Комитете по внешним связям.

Ваш Комитет существует около 4 месяцев, да?

Можно сказать, что окончательно он сформировался где-то к концу октября.

- Значит, октябрь, ноябрь, январь, февраль. Около четырех месяцев.

Вы наверняка анализируете деятельность своего Комитета, скажите, что бы Вы поставили в актив? Ну, так, если можно, кратко, в актив, а что в пассив. Именно по деятельности Комитета. Вот за этот срок, очень небольшой.

- Мне кажется, что после того, как мэр города поручил нам заниматься организацией, координацией деятельности в области сотрудничества с Европейским Сообществом, в общем и целом проделана, наверное, неплохая в этом отношении работа. Мы подключили сюда и другие Комитеты. И Комитет по продовольствию, Комитет по торговле. И всем жителям нашего города известно, какую роль играют продукты питания, поступающие к нам из Европейского Сообщества для нашего региона, для нашего города сегодня.

Вот у меня под рукой есть эти сведения. Значит, в первом квартале 92 года в Санкт-Петербург будет поставлено мясопродуктов 25,5 тысяч тонн, масла животного 7, 8 тысячи тонн, сухого молока 9,3 тысячи тонн, детского питания тысяча тонн, масла растительного 6 тысяч тонн... Из Соединенных Штатов мясопродуктов 7 тысяч тонн, масла животного 2,2 тысяч тонн, молока сухого две тысячи тонн.

Это фактически перекрывает все наши потребности. Это впечатляет, могу сказать откровенно.

Анатолий Александрович? (телефонный звонок)

Анатолий Александрович как раз сообщил о том, что на Украине закуплено, подготовлено к отправке в наш Петербург 2,5 тысячи тонн сахара.

Таким образом выходим из положения?

Ну как... не будем говорить «гоп», пока не перепрыгнем.

Нужно предложить в обмен на Украину товары... промышленные товары наших предприятий. Но как вы знаете, в Комитете по экономическому развитию бартерный фонд собран, подготовлен. И я думаю, это не представит большого труда - собрать соответствующие товары в обмен на сахар с Украины.

Итак, в актив мы положили работу с продовольствием, как я понимаю, со странами ЕС. Еще актив?

Вы знаете, поскольку это сейчас самая главная проблема, то я думаю, что все-таки положительным является, положительным примером, что ли, в нашей работе, является организация дела по поставкам вот этого кормового зерна из Великобритании. Надо быть откровенным, это работа, которая была начата не нами. Эта работа была начата как раз мэром города. Я могу с удовольствием сказать, что... поприблизился даже на встрече между Собчаком и премьер-министром Великобритании Мейджером, когда этот вопрос был руководством города поставлен впервые. И надо сказать, что он впервые и решается в таком режиме. Ведь, в принципе, мы не знаем примеров, когда... в ближайшей, во всяком случае, истории, когда государство оказывает такую крупномасштабную помощь такому-то конкретному региону, городу. Средства массовой информации сообщали о том, что Великобритания поставляет нам на крупную сумму вот это фуражное зерно. 20 млн. фунтов стерлингов. Вы знаете, как-то так, звучит это легко, со снятием шляпы - «Спасибо». Я думаю, что мало кто знает, что же означает для нашего города и для нашей области вот эта поставка.

Без всякого преувеличения можно сказать, что в результате поставок английского фуражного зерна мы спасли наше поголовье животноводства в нашей области. Мы спасли маточное стадо, которое восстановить было бы весьма и весьма сложно, если бы оно пошло под нож. В принципе, стабилизируется положение со снабжением города продуктами питания. Ведь, как организована эта работа в целом? И почему я считаю, что это в определенной степени - заслуга нашего Комитета? Потому что мы организовывали с самого начала. От начала переговоров с Великобританией до поставок продуктов в Петербург. На то зерно, которое мы пускаем в переработку, из которого потом готовятся корма, да, мы в обмен получаем из области продукты питания. Так? Вот такая схема отработана с английской стороной. То есть они это делают для жителей Петербурга.

Англичане это сделали, в общем, ну, просто как благотворительную такую акцию и всё. Или они поставили какое-то условие? Куда эти деньги от вырученного мяса? Как они-то работают?

Все деньги, которые поступают от продажи кормового зерна, поступившего из Великобритании, должны поступить на счета в фонд поддержки фермерских хозяйств. И я думаю, что это тоже, кстати, является положительным примером работы нашего Комитета, потому что ему, нашему Комитету, поручено руководством города создать этот фонд. Работа по его созданию фактически

завершена. Открыт счет. На сегодняшний день на этот счет поступило 2 млн. рублей. Общее количество денег, которое должно поступить от продажи этого зерна - 78 млн. рублей. Кроме этого, туда пойдут деньги от продаж немецкого картофеля, тот, который был поставлен Гамбургом на 2,5 млн. немецких марок. Туда же пойдут и средства, полученные от продажи продовольствия, поступившего из Швеции, в Василеостровском районе.

На создание фермерских хозяйств.

Совершенно верно. Идея заключается в том, чтобы не просто проедать то, что мы получаем, а пускать это в оборот таким образом, чтобы создавать собственную инфраструктуру, собственные рыночные отношения, собственный рынок на земле Ленинградской области.

Еще актив?

Последнее время некоторые газеты и телевидение отметили о том, что у нас в городе закрываются благотворительные столовые для пенсионеров, слабо обеспеченных, незащищенных слоев населения, и чтобы как-то реанимировать эту идею, мы вступили в контакт с Международной организацией банков продовольствия, со Штаб-квартирой в Брюсселе. Президент этого Банка продовольствия господин господин Тендре, он работает в Париже, мы с ним вели серию переговоров, потом обратились в Таможню, нашу Ленинградскую, она нас поддержала, выделила свой склад. А банк продовольствия - это ни что иное, как склад продовольствия. Так? Провели работу среди благотворительных организаций, и создали наше петербургское юридическое лицо - Петербургский банк продовольствия. В этот Банк продовольствия продукты питания поступают по различным благотворительным каналам, бесплатно. И так же бесплатно через благотворительные организации должны распространяться.

И вот первые поставки тогда были сделаны самолетами из США и из Франции.

Вы потребителя уже можете назвать, кто уже берет эти продукты, кому отдает эти продукты?

Вы знаете, там подготовлена довольно обширная программа использования этих продуктов. Ну, потребитель - это наш Красный Крест. Это Фонд, как ни странно, помощи военнослужащим и так далее. Кстати, военнослужащие - у нас самая забытая категория граждан. Им вообще никто ни в чем не помогает. Эти поставки, которые прошли в Фонд, в этот Банк продовольствия были распространены и с помощью нашего Ленинградского военного округа. Во всяком случае, они дали свой транспорт, дали солдат для погрузки, там, для разгрузки товара. По справедливости, первые партии сухого молока будут распределены в детские сады Ленинградского военного округа.

А вот еще Анатолий Александрович, рассуждая, и когда писал о свободной зоне, он очень много говорил о так называемом создании финансового центра что ли в Санкт-Петербурге. Как я понимаю, в виде банковской какой-то структуры, на основе Банка Реконструкции, вот этого знаменитого. А что с этим?

Вы знаете, это один из ключевых вопросов нашего развития. Вне всяких сомнений. Но один из самых сложных. Сегодня утром, пока мы с вами переходили, значит, из одного зала в другой, здесь я обнаружил представителей одного из французских банков. Вы, наверное, об этом слышали. Который собирается...

Как он называется?

«Лионский кредит». Credit Lyonnais. Это один из самых крупных государственных банков Франции. Его открытие планируется на Невском. Руководство банка приняло решение о том, что они открывают филиал. И это первый банк, который к нам приходит для, так скажем, реальной финансовой работы. Но мы знаем о желании "Дрезднер банка" Dresdner Bank начать здесь уже, так сказать, производственную, скажем, деятельность. Представительство этого банка уже открыто. Уже сотрудники банка открыли свой офис в гостинице « Гранд Отель Европа ». И уже трудятся, причем трудятся довольно плодотворно. Они не просто сидят на месте и представляют. Они изучают ситуацию, ищут возможности кредитования, многократно обращались ко мне с этой просьбой. И, в общем, сейчас, насколько мне известно, тоже изучают вопрос открытия филиала.

Что это вкратце даст ленинградцу, петербуржцу (я всё время ошибаюсь), что даст рядовому человеку? Эти банки... Это так звучит всё...

Вы знаете, на мой взгляд, это даст очень многое. Это даст возможность нашим предприятиям работать в стабильных прогнозируемых экономических условиях. А если предприятия наши будут работать в таких условиях, то они будут больше выпускать товаров, и лучшего качества. Это безусловно. Это, во-первых. Во-вторых, это откроет ворота для настоящих западных инвесторов, которые будут вкладывать свои деньги не в посреднические фирмы, а в те фирмы, которые занимаются производством товаров. Сейчас они тоже есть. Но это, к сожалению, не так много, сколько бы нам хотелось.

Мы ездили по городу и хотели посмотреть на город и Вашими глазами из машины.

Мы проезжали мимо таких мест, ну там, метро на Сенной площади, рынок возник и всё прочее. Я просто что хочу сказать, что многие сегодня как бы вышли уже на улицу, они торгуют, чего раньше не делали, от нужны, наверное, от беды. Кто-то наоборот зарабатывает деньги, еще что-то. Но всё это ведь не лицо Петербурга.

Лицо Петербурга - все-таки, визитная карточка, так будем говорить, это сотни тысяч рабочих огромных промышленных образований, причем классных рабочих, классных специалистов, которые вряд ли выйдут на улицу торговать, да, может быть, и не совсем есть, чем торговать в сегодняшних условиях. Вот, Вы знаете, мы с вами, так сказать, говорили обо всем, но все-таки Ваш Комитет — Комитет по внешнеэкономическим связям, как-то думает об этих огромных предприятиях. Я имею в виду «Кировский завод», ЛОМО, Металлический завод, Ижорский и так далее. Что с ними? Как-то они будут внедряться, интегрироваться в экономику?

- Вы безусловно правы. Это одна из самых главных проблем нашего города. Она создана не нами. Она создавалась десятилетиями. И сложность ее заключается в том, что по разным подсчетам от 50 до 70 процентов нашей промышленности - это

предприятия оборонного комплекса, на которых работает очень большое количество людей, более 60 тысяч человек. И в настоящее время они находятся в сложном положении, потому что не получают зарплату. В связи с конверсией мы наблюдаем драматическое сокращение зарплаты. То же самое, кстати, касается и США, у них та же самая проблема. Но им эту проблему решать значительно легче, чем нам, учитывая экономический потенциал страны в целом. Разумеется, мы... не только Комитет по внешним связям, вся мэрия думает об этом, готовится к возможным переменам. Но вот каждый на своем участке выполняет свою работу. Что делаем мы? Мы, конечно, стараемся помочь этим предприятиям найти таких партнеров на Западе и так построить эту работу с западным партнером, чтобы помочь интегрироваться этим предприятиям в мировую экономику, перейдя на выпуск продукции в мирном назначении.

Но здесь существует очень большая проблема - проблема инвестиций. Как выяснилось, на этих предприятиях работают, ну, так скажем, работает золотой фонд нашей промышленности. Но они выпускали серийную, малосерийную или вообще штучную продукцию. Чтобы выпускать продукции, так скажем, по-моему, я даже оговорился, не серийную, а штучную, или малосерийную, чтобы выпускать продукцию в большом масштабе, крупносерийном, нужно перестраивать производство. Для того чтобы перестроить производство, нужны крупные капиталовложения. Их у нас просто нет. Ведь эти предприятия создавались союзными министерствами. А сейчас и самих министерств не существует. И денег давать некому. Значит, это в значительной степени ляжет на плечи руководителей самих предприятий, коллективов и на плечи города.

Ну, вот, наиболее яркий и известный пример - это акционирование «Кировского завода». Вместе с нами, при нашем участии, при участии наших специалистов изучают вопрос перемещения производства небольших грузовиков из Германии в... на производственные мощности «Кировского завода». Я уже не говорю о том, что такие крупные объекты, как «Ленинец», я здесь не буду преувеличивать нашей роли, руководство предприятия выполнило, так скажем, положительную работу большую. Они создали совместное предприятие с американской фирмой «Отис», они прорабатывали... положительно решили вопрос с фирмой «Жиллет».

«Позитрон», скажем, активно и интересно, я бы так сказал, работает с южно-корейской фирмой «Daewoo». Сейчас они начали выпускать лентопротяжные механизмы к видеоманитофонам. Уже производят телевизоры. И намечают выпускать ряд другой бытовой аппаратуры.

Проблемы для всех предприятий заключаются в том, чтобы, так скажем, продукция и товары широкого потребления находились бы на том же высоком техническом уровне, на каком они работали раньше.

Вы часто находитесь в конфликте с самим собой?

Нет. Ну. Бывают, конечно, такие ситуации. Хотя в общем и целом таких внутренних борений колебаний, страданий, конечно, я, откровенно говоря, не очень испытываю. В общем и целом, мне кажется, я человек ровный. Но,

разумеется, сейчас приходится думать и готовить решения, которые не очень просты для меня.

Например?

Пример? Вот сейчас активно обсуждается, и город сейчас переходит к практическому решению вопроса приватизации. То, что касается нашего Комитета, или моей сферы деятельности, сферы международных, внешнеэкономических связей, даже не международных, а внешнеэкономических связей, нас это тоже затрагивает эта приватизация. А именно: в части привлечения иностранного капитала. И скажем так, что когда речь заходит о том, чтобы передать под контроль иностранного капитала крупные объекты собственности в Петербурге, я должен сказать откровенно, я к этому не всегда морально готов. Мне все-таки жалко, скажем, решить вопрос по какому-то неординарному объекту в центре города, отдав в образующемся акционерном обществе контрольный пакет акций иностранной фирме. Меня почему-то... как-то это ущемляет мое собственное достоинство. Понимаете?

А есть такой объект? Намечается?

Намечается. И не один такой объект намечается. Но самое-то главное в том, что это правильный процесс. И здесь ничего страшного нет. Огромное количество, так скажем, зданий, земли в крупнейших европейских столицах, в США принадлежит не местным властям, а иностранному капиталу. А местные жители от этого только выигрывают, потому что создается конкурентная обстановка. Создается рыночная обстановка, начинают играть рыночные силы, от которых все мы ожидаем положительного результата. И население-то, в принципе, от этого выигрывает. Важно, конечно, думать о деталях, потому что от деталей много зависит. Но в общем и целом принципиальный подход, я думаю, правильный. Но перешагнуть этот психологический барьер весьма сложновато.

Но все же, как же быть? Вам же придется, наверное. Вы не упоминаете, но мне кажется, вы говорите, может я ошибаюсь, или я точно знаю, Вы говорите о гостинице «Ленинград». Нет?

В том числе и гостиница «Ленинград». Кстати сказать, гостиница «Ленинград» - это хороший пример. Почему? Потому что, на мой взгляд, целесообразнее было бы отдавать под контроль западных инвесторов, прежде всего, незавершенные объекты. То есть такие объекты, на завершение строительства которых у нас просто нет средств. Я уже не говорю о валютной части. Нет часто рублевых средств. И чем отдавать это на растерзание стихии, природе и ждать, пока он полностью разрушится, вложенные нами средства погибнут, не лучше привлечь иностранного инвестора, даже отдав ему под полный контроль то или иное здание, предприятие и так далее? Вот гостиница «Ленинград» в этом отношении хороший пример. Потому что всем нам известно трагическое событие, связанное с пожаром, с гибелью пожарников и так далее. Верхние же этажи здания до сих пор не функционируют, они заколочены. Общий объем, например, работ по ремонту, по моему, около 9 млн. Нет таких денег у предприятия, нет таких денег у города. А

ведь сзади, помните, за гостиницей «Ленинград», сейчас она тоже «Петербург» называется, эта огромная «шайба», которую строят югославы, она ведь... вот это как раз и есть незавершенное строительство. Они, по-моему, строят ее только до сих пор потому, что не очень охота возвращаться в условия военных действий к себе на родину. Но финансирования-то нет. Понимаете? И в этих условиях если найдем другого инвестора, то тогда будем вести переговоры на других условиях. На сегодня американская фирма Marc Rich предлагает нам создать совместное предприятие, готова вложить туда крупные средства в твердой валюте, взять под свой контроль восстановительные работы. Но она настаивает на контрольном пакете акций.

И все же тогда, где же решение, кто же это должен решать?

Мне кажется, что такие крупномасштабные проекты должны решаться не чиновниками Администрации. Такие вопросы я бы выносил все-таки на решение Городского Совета, Петросвета. Во всяком случае, на Президиуме такие решения должны быть предварительно обсуждены и приняты.

Как Вы смотрите на так называемое сословие предпринимателей? Вот на это третье сословие? Растет ли оно? Меняется ли оно? Потому что, наверное, только в сочетании вот этого высокопромышленного потенциала и мелкого и среднего предпринимательства, наверное, можно выходить из создавшейся ситуации.

Да, конечно. Я должен сказать, что, во-первых, эти две проблемы близко связаны друг с другом. Ведь мы идем к акционированию крупных предприятий, не путем их механического уничтожения или дробления. Во всяком случае, я лично категорический противник подобного рода решения проблем. И на самих крупных предприятий сейчас образуется целая сеть малых предприятий. Здесь, конечно, трудовые коллективы должны внимательно следить за тем, чтобы их, так скажем, интересы не ущемлялись, то есть в акционировании, создании различных форм малого бизнеса. Так? Но в общем и целом даже на крупных предприятиях уже образуется гроздь, скажем, целая гроздь различных малых форм бизнеса. Это с одной стороны. С другой стороны, будем говорить, на голом месте растут, как грибы, не только кооперативы, но и совместные предприятия, малые предприятия. И доля совместных предприятий, конечно, в этом малом и среднем бизнесе весьма велика. Из общего числа зарегистрированных нами совместных предприятий подавляющее большинство как раз относится к сфере малого и среднего бизнеса. Можно было бы... Вы знаете, я чуть не сказал «к сожалению», большинство из них работает в области оказания услуг, консалтинга и так далее. Но, пожалуй, так нельзя сказать - к сожалению. Потому что все-таки первый этап - создание инфраструктуры бизнеса - это как раз и создание сети этих консалтинговых, юридических и других фирм по созданию услуг бизнесменам же. Без этого невозможно делать следующий шаг. Хотя появляются и предприятия мелкого, среднего бизнеса, которые уже производят продукцию широкого потребления,

продукцию для населения. Таких уже у нас достаточное количество. Что же касается моего отношения, так сказать, к представителям этого класса, к представителям этого среднего класса, то я бы, наверное, сказал так. Вот еще год назад, у меня во всяком случае, я обращал внимание на поведение представителей этого среднего класса. Многие из них вели себя очень неуверенно. Я бы даже сказал так: заискивающе и так далее. Но сегодняшний день на глазах меняется отношение к самим себе, к представителям органов власти. Вы знаете, к обществу. Без всякого преувеличения можно сказать, что у них появляется чувство собственного достоинства, уверенность в завтрашнем дне, уверенность в себе. И я полагаю, что вот этот средний слой, вот этот средний и малый бизнес, так же, как и практически в любой другой цивилизованной стране должен стать, в конце концов, обязательно стать, основой процветания нашего общества в целом.

Я сейчас несколько внутренне так содрогаюсь от следующего своего вопроса, но я все-таки хочу вам его задать. Потому что в Ваш Комитет, в Вашу деятельность входит все-таки немало такого, о чем бы мне хотелось спросить. Это валюта, лицензия, квоты, образование СП. Совместных предприятий и так далее. Вам не предлагают взятки?

Ну, видите ли, во-первых, я бы так сказал, что все-таки наш Комитет - это скорее экспертный комитет. Экспертный и организующий. От нас все-таки немного... нечасто к нам нужно обращаться за решением вопроса какого-то, который связан с материальными ценностями. Хотя и в процессе этой работы могут возникать ситуации, при которых та или иная коммерческая структура, частные лица ожидают от нас какого-то решения. И в этом случае, конечно, могут возникать... может возникнуть желание как-то пропихнуть этот вопрос побыстрее. Должен откровенно сказать, что такие предложения, не впрямую, но следуют.

Ну, дальше я не спрашиваю.

Можете спросить.

Продолжение следует: но Вы их не берете?

А Вы хотите, чтобы я ответил: я беру, да?

Вы знаете, вы меня этим вопросом окружили.

Я прошу прощения, он не корректный, конечно.

Я бы сказал, такая режиссерская находка - ноу-хау. Если я Вам скажу, что я не беру, то телезритель подумает: ну да, жди, скажет он тебе, что берет. Конечно не скажет. Если я скажу, что я, скажем так, шучу, беру, но не пойман - не вор, граждане подумают: вот поросенок, мало того, что берет, да еще имеет наглость сказать об этом вслух.

Значит, я бы на это так ответил, что ведь сам по себе... само по себе это действие - взятка, она ведь носит не только экономический, но и...

...моральный...

...Да, не только финансовый характер, но и морально-этический. И в этой ситуации взяткодатель всегда унижает взяткополучателя. Чувство собственного достоинства очень дорого нам стоит. Это вот первое. Второе, я вот

уходил от той темы, с которой Вы начали, а, пожалуй, сейчас вернемся. Ведь на той службе, где я раньше работал, получение крупной суммы, любой суммы денег заинтересованных лиц, от иностранных организаций, от местных граждан трактовалось однозначно. И обозначалось двумя словами: измена Родине. Совершенно верно. А за этим следовало еще менее лаконичное, как правило, - к ВМН. А в соответствии с кодексом, с уголовным кодексом 61-го - к исключительной мере наказания. Поэтому я думаю, что я в этом отношении никакое не исключение. Но у людей, так сказать, службы, которой я принадлежал, планка ответственности что ли довольно высоко поднята. И у меня двое детей, поэтому здесь, я думаю, я бы так ответил.

Скажите, Владимир Владимирович, Вы часто в разговоре называли себя и называете себя чиновником. Вообще слово «чиновник» в русской литературе, я бы так сказал, оно уже давно стало нарицательным. Да? При помощи русской литературы. А Вы говорите: я - чиновник. Вы хотите реабилитировать смысл этого слова?

Нет. Игорь Абрамович, я бы сказал так, что я употребляю это слово для того, чтобы подчеркнуть, что я не политический деятель. Понимаете? Что я сотрудник только административного аппарата. И хотелось бы, чтобы в основном у нас в аппарате работали люди, которые занимались бы чисто профессиональным делом, не думая о политической конъюнктуре. Хотя, конечно, с трудом удастся это сделать. Но тем не менее. Но это, во-первых. Во вторых, у нас много сейчас возвращается на круги своя. Многие теряет ту шелуху, которое приобрело за последние десятилетия. В слове «чиновник» нет ничего предосудительного, ничего плохого. Я в свое время был военным чиновником, теперь стал гражданским чиновником. Я думаю, что здесь ничего плохого нет.

Извините, а это не секрет, в каком Вы чине ушли в отставку?

Нет, не секрет. В звании подполковника.

Когда Вы говорите о некоторой своей такой политической что ли индифферентности, так скажем, да? - это не значит, что, предположим, уходит Собчак, а Вы остаетесь, и Вам все равно, кто придет мэром другой человек?

Нет, конечно. Я бы так далеко не продолжал бы тот тезис, о котором я сейчас упомянул. Разумеется, мне не все равно, кто придет в том случае, если Собчак покинет свой пост. Хотя в такой тональности мне бы вопрос рассматривать не хотелось. Я убежден, что он не покинет своего поста. Понимаете, вот это, кстати, меня в нем привлекает. То есть не покинет, если не почувствует, что этого хочет подавляющее большинство населения. А так никакие соображения конъюнктурного порядка не заставят его это сделать. Если по каким-то, совершенно неведомым, соображениям такое произойдет, то, конечно, я буду смотреть на то, кто придет на его место. Но если быть уж совсем откровенным, то решение этого вопроса будет за тем человеком, который придет на его место: оставлять меня или нет. Поэтому, я думаю, что здесь немножко надо поменять местами.

Владимир Владимирович, а как Вы считаете, мэрия уже завоевала авторитет у петербуржцев?

Я бы так не сказал. Я бы вообще, честно говоря, так вопрос не поставил. Завоевала ли мэрия авторитет у петербуржцев.

Извините, как могу.

Да. Но я бы так, может быть, сформулировал, если Вы позволите: завоевала ли вообще новая власть авторитет? Как бы ее не назвать. Я думаю, что новая власть еще не завоевала авторитета. Властные структуры должны созреть, чтобы завоевать общество. Я думаю, что это время для современных властных структур еще не наступило. Но у меня с другой стороны нет сомнений в том, что это время придет.

Скажите, Вы работали в разведке, скажите, какие качества Вам сегодня, в должности председателя Комитета, заместителя мэра помогают. Качества, приобретенные, когда вы работали в разведке, помогают работать, какие мешают. Вы знаете, нам как-то никак не уйти от этой темы...

Ну, согласитесь, разведчик - это все-таки не часто встречается, тот, который как бы признался, что он разведчик.

Может быть, и часто встречаетесь, но Вы просто не знаете.

Но мне кажется, что все-таки основное заключается вот в чем. По прежнему месту работы мне приходилось сталкиваться с большим объемом информации. С большим объемом информации и со множественными задачами, я бы так сказал. И очень важно было научиться выбирать главное. Сосредоточить внимание на чем-то главном. И я думаю, что вот этот стиль работы, он помогает мне сегодня. Вот это главное, что получено мной оттуда.

Скажите, что из приобретенного опыта мешает?

Я вот думаю и не нахожу того, чтобы мне мешало из того опыта, который я приобрел в прошлом.

Вы знаете, Владимир Владимирович, вот еще вчера, вот на этом шкафу, сзади меня, впереди Вас, стояла статуэтка Ленина. И я должен сказать, что я заготовил вопрос. Вопрос был прост: я понимаю, что эта статуэтка осталась, наверное, от прежнего хозяина в кабинете, поскольку Вы здесь недавно. Я хотел Вас спросить: а зачем Вы ее оставили? А вот сегодня мы пришли, я, правда, утром она еще стояла, мы успели ее снять, но вот сейчас, когда уже вошли на основную съемку с Вами, то ее не оказалось. Вот, что случилось?

Затрудняюсь ответить, что случилось, потому что это, видимо, взял кто-то из моих помощников, куда она делась мне, признаться, неведомо. Но ведомо то, что здесь были и портреты создателя СССР - Владимира Ильича Ленина, но они были сняты. Но я должен Вам сказать следующее. Я отношусь к этому спокойно. Есть они, нет этих портретов или статуэток. Я исхожу из того, что вообще нужно относиться к истории, как к тому, что было. И этого не вычеркнуть из нашей истории. Если же Вас интересует отношение к этому человеку и к тому учению, которое он якобы представлял, то я бы сказал так. Что был период в моей жизни, когда я с интересом относился к учению марксизма- ленинизма. Много читал. И с

интересом читал. И находил это чтение интересным, логичным часто. Ну, действительно...

-Ну, как все мы.

Да, как все мы. Но по мере, так сказать, взросления что ли, возмужания, для меня становилась все более и более очевидной истина, что все это не более чем красивая и вредная сказка. Вредная потому, что осуществление или попытка проведения ее в жизнь в нашей стране нанесла последней огромный ущерб. И в этой связи мне бы хотелось сказать о той трагедии, которую мы переживаем сегодня. А именно: трагедии распада нашего государства. А иначе, как трагедией, это не назовешь. Я думаю, что как раз деятели октября 17-го года заложили мину замедленного действия под это здание. Под здание унитарного государства, которое называлось Россией. Ведь что они сделали? Они разбили наше Отечество на отдельные княжества, которые раньше на карте земного шара и не фигурировали вообще. Наделили эти княжества правительствами и парламентам, а теперь мы имеем то, что имеем. Но это с одной стороны. С другой стороны, они ведь уничтожили то, что стягивает и сплачивает народы цивилизованных стран, а именно: уничтожение рыночных отношений. Уничтожили рынок как таковой и зарождающийся капитализм. Единственно, что они сделали и чем держали страну в составе общих границ - это колючая проволока. Как только эта колючая проволока была убрана, так распалась вся страна. И я думаю, что в значительной степени это, конечно, вина этих людей, хотели они этого или не хотели. Я думаю, что не хотели. Но объективно они сыграли такую негативную роль.

Как Вы себя чувствуете в Смольном?

Я в Смольном себя чувствую нормально, как в нормальном... как нормальный гражданин, как нормальный чиновник в учреждении, в котором он должен работать. Конечно, здесь для меня первоначально была несколько непривычная обстановка, но работать здесь удобно. Это хорошее административное здание с системами связи, так скажем, сюда удобно мне добираться от дома, я здесь недалеко живу, поэтому меня это вполне устраивает.

Ну и так, мы складываем с Вами промышленность, мы складываем с Вами средний бизнес. И каким же Вы видите все-таки город. Ну, или иначе я сформулирую вопрос: что бы вы хотели, скажем, получить в результате своей деятельности, несмотря на то, будете ли Вы действовать год, два, три или четыре, как сложится Ваша судьба дальше, все-таки, каким Вы видите Петербург?

На чем бы я поставил акцент в нашей работе, мне бы хотелось, так скажем, развивая определенные отрасли промышленности, помогая войти нашей промышленности в мировую экономику, интегрироваться в мировую экономику, в Европейское сообщество, мне кажется, надо было бы все-таки сделать нам упор не просто на развитие промышленности, учитывая, что у нас крупный город и здесь много экологических проблем, на развитие наукоемких производств. На развитие сферы обслуживания, туризма и так далее. Это бы поставило наш город, на мой взгляд, в ряд первых столиц мира, без всякого сомнения. Почему я сейчас

упомянул об этом, потому что мы с Вами вроде поговорили обо всем, а все-таки забыли один очень важный аспект: наш город является крупнейшим научным центром страны. Задача нашего Комитета заключается в том, чтобы развивать экспортный потенциал нашего города, экспортный потенциал нашего региона в целом. Мне думается, что если мы свой центр тяжести перенесем как раз в эту сферу деятельности, то мы от этого сильно выиграем. Потому что в сфере, так скажем, интеллектуального труда у нас есть чем гордиться и есть что предложить нашим партнерам на западе. Здесь только не потерять, не растерять этот интеллектуальный потенциал. Это как в области искусства, так и в области науки.

Вы знаете, Вы удачливый человек?

До сих пор мне не приходилось жаловаться на судьбу, а из этого можно сделать вывод, что, в принципе, удачливый.

Уже вопрос такой, что ли полушутливый, как к бывшему разведчику. Мы с вами сняли довольно большой материал, смогу ли я его свободно монтировать, и все, что Вы сказали, может как бы подлежать уже моему взгляду на вещи, или Вы хотите еще раз все это просмотреть и посмотреть готовую кассету? Как Вы к этому отнесетесь?

Вы можете делать все, что Вы считаете целесообразным как режиссер этой передачи. Но я думаю, ничего, так сказать, лишнего, по- моему, за нашей с вами беседой сказано не было.